



ГЛАВА I. Салют для королевы

Варвара Одинцова, голубоглазая блондинка с идеально стройными ногами, всегда выгодно подчёркнутыми короткой юбкой, одним взмахом ресниц заставляла столбенеть всё мужское население школы. Гриша Рублёв всегда посмеивался над снующими вокруг Варвары воздыхателями. Но когда учебный год вяло подполз к окончанию, Гриша неожиданно осознал, что тоже влюблён.



Сначала его это огорчило. У Одинцовой был колоссальный выбор, и Гриша терялся на фоне парней из старших классов. К тому же Варвара, или как она любила себя называть — Барбара Оди, жёстко игнорировала всех одноклассников, в ряды которых входил и Гриша. Поэтому Рублёв решил выложиться на все сто, чтобы завоевать королеву своего сердца.



Собрав в кулак всю мощь своей фантазии, Гриша старался выделиться из унылого строя неудачников. Но его гениальные попытки привлечь внимание Варвары проваливались одна за другой. Она по-прежнему не желала видеть в нём человека, обидно записав в разряд ходячей мебели.

Только Гриша не сдавался. Сегодня он намеревался устроить грандиозный салют в честь королевы





своего сердца прямо в кабинете химии. Нужные реактивы были подготовлены, оставалось только дожидаться, когда придёт Варвара.

Услышав голоса, Гриша выглянул из кабинета, стараясь слиться с кроной фикуса, стоявшего в простенке у двери. Варвара шла по коридору с завучем, а за ними плелись две неразлучные подружки и по совместительству свита Одинцовой — Катя и Маша. Пышная фигура Рогнеды Игоревны с высоким бюстом на фоне изящной Барбары смотрелась особенно невыгодно.

— Рогнеда Игоревна, я же бренд школы, — донёсся полный обиды голос Варвары.

— Я в курсе, Одинцова, — в густом контральто завуча послышалась печаль. — Но победа на городском конкурсе красоты не решает твоих проблем с оценками.



— Рогнеда Игоревна, вы даже не представляете, сколько денег родители отвалили за репетитора по химии! Мне нужна только пятёрка, — капризно нахмурилась Варвара.

— Одинцова, чтобы получать пятёрки, одного лица мало, нужны знания.

— Ну, Рогнедочка Игоревна! Ну, миленькая, — запели сзади Катя и Маша. — Ну, пожалуйста!



— Хорошо. — Лицо завуча смягчилось. — Варвара, сделаем для тебя исключение.

— В журнале будет пять? — скромно потупилась Одинцова.

Рогнеда Игоревна хищно улыбнулась:

— Готова к итоговому тесту?

Лицо Варвары, изобразив сложную гамму чувств, основным из которых была досада на непонятливость завуча, просветлело в горьком смирении пе-





ред жестокой реальностью бытия. Свита за её спиной тихонько зароптала, но тут же заткнулась под мимолётным взглядом Рогнеды Игоревны.

Гриша, оставив дверь кабинета приоткрытой, на цыпочках метнулся к лабораторному столу. За его спиной раздался булькающий звук, будто кто-то полоскал горло. Гриша покосился на подвешенную у окна клетку, в которой взволнованно переминался с ноги на ногу белоснежный какаду. Заметив, что на него смотрят, попугай поднял хохолок и проскрежетал:

— Эрнест хороший. Эрнест хороший. Птичка.

— Угасни, птичка, — прошептал Гриша и пригрозил ему кулаком. — А то все перья повыдергаю.



Эрнест оскорблённо свистнул и повернулся к нему спиной. Гриша зажёл спиртовку, над которой была закреплена большая колба, наполненная смесью реактивов. Попугай, услышав шум, встревоженно повернулся, посмотрел на пламя спиртовки сначала одним глазом, потом другим. И вдруг заметался по жёрдочке, пронзительно вереща:

— Пожжжар! Пожжжар! Пожжжар!

— Заткнись, предатель, — шикнул на него Гриша.

Неожиданно высокий язык пламени лизнул колбу. Содержимое забурлило, шипя и брызгаясь. Гриша принял позу возвышенной задумчивости. Сейчас войдёт Варвара и...



Дверь распахнулась. Рогнеда Игоревна застыла на пороге, топыря руки в попытке закрыть собой учениц. Её могучий рык трубно пронёсся по школе:

— Рублё-о-о-ов!

И тут мощно рвануло! Пламя ударило во все стороны. Гришу отшвырнуло к стене. Зазвенели





осколками окна. На лабораторном столе загудела, плюясь искрами, огненная лужа. Пламя с треском перекинулось на шторы. Истерически захохотал какаду и тут же умолк, забившись в клетке. Кабинет заволокло дымом.



ГЛАВА 2. Золотое яйцо

Чёрный лимузин с тонированными окнами мчался по Рублёвскому шоссе, окружённый стайкой машин сопровождения. На капоте лимузина вместо автомобильной эмблемы сияло благородной бронзой яйцо.



Василий Рублёв, в одиночестве расположившийся в просторном салоне, снисходительно поглядывал на проносящийся за окнами город, залитый майским летним солнцем. Радость наполняла его, заставляя счастливо улыбаться в предчувствии приятного будущего.

Он открыл бар, наполнил минеральной водой бокал на тонкой ножке и легонько стукнул им о теле-





визор, салютуя самому себе. На экране крутилась закольцованная запись, и Василий не уставал любоваться своим триумфом.

Камера выхватывала из зрительного зала финансовых воротил, звёзд мира науки, известных политиков, светских львиц. Потом вновь возвращалась к сцене, где в удобных креслах расположились двое: профессор Норштейн и Василий Рублёв, с лёгкой руки телевизионщиков прозванный «яичным магнатом».

Выступал профессор Норштейн, высокий мужчина с крупными чертами лица и гривой седых волос. Взволнованно рубя воздух ладонью, он вещал:

— Для создания этой уникальной формулы потребовалось несколько напряжённых лет труда ведущего отечественного института генетики. А благодаря щедрой поддержке господина Рублёва, одновременно являющегося вдохновителем и инвестором проекта, мы в разы сократили время исследований. И я, как научный консультант, с уверенностью заявляю, что результаты оправдали наши ожидания! По сути, свершилась революция в области птицеводства...

Мурлыкнул смартфон. Высветился номер Ямогучи. Вот же прилипчивый тип, нахмурился Рублёв. Господин Ямогучи, внезапно появившийся из ниоткуда, туманно ссылаясь на корпорацию в Японии, упорно пытался заполучить формулу.

— Я купить формуля. Скока? — раздался голос, который звучал так глухо, как будто японец говорил через плотный носовой платок.

— Нет, господин Ямогучи. Она не продаётся.

— Я дать многа! Осень-осень многа, — затараторил Ямогучи.





— Нет.

— Не надо торопиться. Ви думать. Я многа...

— До свидания, господин Ямогучи, — прервал его Василий. — Рад был пообщаться.

Он бросил смартфон на сиденье и покосился на открытый футляр, лежавший на столике. На алом бархате покоилось золотое яйцо. Еле заметная тонкая полоска разделяла его на две части. Это была терабайтная флешка, хранившая в зашифрованном виде ту самую формулу, завладеть которой так стремился Ямогучи. Рублёв закрыл футляр и с удовольствием показал пространству фигу, адресуя её японскому бизнесмену.

Шоссе впереди опустело, и лимузин прибавил ход. Машины сопровождения мгновенно перестроились, адаптируясь к скорости. Никто не обратил внимания на старенький фургон с тонированными стёклами. Он как приклеенный мчался за кортежем Рублёва, стараясь не отставать.



ГЛАВА 3. Неприятные последствия



Отпущенный на волю после осмотра врачей, Гриша доковылял до скамейки и плюхнулся на неё с видом чудом выжившего. Да, взрыв получился неслабый, хотя планировалось много меньше. Гриша потёр обожжённое колено сквозь дыру на джинсах и с интересом оглядел школьный двор, забитый машинами МЧС, скорой помощи и полиции.

Из окон школы всё ещё валил ядовито-оранжевый дым. Рогнеда Игоревна, лохматая, перепачканная са-



жей, с прожжённой юбкой, бегала по двору, руководя движением человеческих масс. Она прижимала к груди непривычно молчаливого грязно-серого какаду, а под мышкой у неё была тонкая книжница, очень напоминающая дневник.



Ученики школы увлечённо снимали суету во дворе на смартфоны. Мальчишки фоткали с забора, а девочки лезли на передовую, пытаясь сделать селфи с пожарниками. Некоторые даже наводили гаджеты на Гришу как на источник внезапно появившегося развлечения. Гриша добросовестно позировал и ужасно завидовал. Его смартфон разбился во время взрыва.



Друзья Гриши — Эдик, Рыжий и Резо — подошли, чтобы выразить поддержку и восхититься глобальностью события.

— Как сам? — спросил Эдик, поправляя алюю бабочку на шее.

Его тёмно-серый костюм, сшитый у известного портного, казалось, никогда не мялся и всегда сидел как влитой.

— Норм, — ответил Гриша.

— Твои джинсы теперь такие зачётные. — Рыжий с неудовольствием покосился на свои дизайнерские штаны с дырами и бахромой. — Ваще класс.

— Да не вопрос, — хмыкнул Гриша. — Могу повторить.



Пожарная машина, бибикнув сигналом, уехала, открыв вид на газон. Там, на слегка потоптанной траве, стояла Варвара. Вокруг неё суетились Катя и Маша, оттирая едва видимые пятнышки копоти с её лица.

Откуда-то нарисовался Аркадий Успенский, старшеклассник из восьмого, гроза девичьих сердец и





главный соперник Гриши. Заметив Одинцову, Аркадий тут же бросился к ней, приложился к испачканной ручке и что-то сказал. Варвара улыбнулась.

Но тут её взгляд упал на Гришу. В глазах королевы было столько ледяного презрения, что он мгновенно продрог. Зря она так, приуныл Гриша. Ведь ради неё старался. Случилось событие городского масштаба, а ей не понравилось. Вот как теперь её завоёвывать?

— Заметно получилось, — сказал Эдик, разглядывая почерневшее от копоти окно химического кабинета.

— Точняк, — поддакнул Рыжий, пятернёй отбросив со лба густую медную чёлку. — Гремучая смесь.

— Аммиачная селитра плюс, — Эдик сдул с рукава пиджака несуществующую пылинку, — фосфат аммония.



Резо, обожавший спортивный стиль, на этот раз был одет в шикарный тёмно-синий тренировочный костюм известного бренда и фирменные кроссовки.

Оглядев столпотворение в школьном дворе, он неодобрительно покачал головой:

— Это уже не плюс, а сплошные минусы.

— Резо, он же сам хотел поэффектнее, — возразил Эдик.

— Поэффектнее будет, когда его отец придет.



Гриша только вздохнул в ответ. Реакцию на происшествие Рублёва-старшего он как-то не учёл.

— Слушай, Рубль, — сказал Рыжий. — Не могу поверить, что ты всё это замутил из-за Одинцовой. Не стоит она того.

Гриша хотел было объяснить ему, что Варвара особенная, его неправоту, но мелодичный автомобильный сигнал заставил всех повернуться к воро-





там, в которые осторожно втискивался длиннющий лимузин Рублёва-старшего.

— Ща начнётся! — вздохнул Эдик.

— Держись, Рубль, — хлопнул друга по плечу Рыжий. — Мы с тобой.

— Да ладно вам, — отмахнулся Гриша. — У нас с отцом деловые отношения. Всё будет путём.

— Рублёв! — Рогнеда Игоревна появилась из толпы мечущихся по двору людей и, схватив Гришу за руку, поволокла к лимузину. — Пойдём-ка со мной, Григорий.





Рублёв-старший, прикрываясь дверцей лимузина как щитом, в глубоком ошеломлении разглядывал здание школы. Рогнеда Игоревна подскочила к нему и сунула в лицо апатичного попугая.

— Вот, полюбуйте! — рывкнула она.

— Что это? — вздрогнул Рублёв, не сразу опознав птицу.

— Это Эрнест! — с болезненным подвыванием выдохнула Рогнеда Игоревна. — Это талисман школы!

— Редкий вид, — сочувственно кивнул Рублёв.

— По вине вашего сына — фактически вымерший!

Василий Рублёв перевёл взгляд на Гришу. Тот уставился под ноги, делая вид, что не о нём речь. Зато Эрнест, отдышавшийся на свежем воздухе, вдруг забил крыльями, вырвался из рук завуча и перелетел на куст.



— Остолопы! Неучи! — заверещал он женским голосом. — И как вас земля носит! На абордаж! Комиссия! Капут!

Школьники радостно нацелились на него смартфонами. Эрнест немедленно стал звездой соцсетей. Рогнеда Игоревна попыталась его поймать, но какаду, цепляясь клювом за ветки, уполз повыше на вершину куста, куда она не могла дотянуться. Тогда завуч переключила своё внимание на Рублёва-старшего.



— Видите, чем это заканчивается? — с трагическим тоном указала она на людей в белых халатах, выносящих из школы носилки, укрытые клеёнкой.

Рублёв-старший без сил привалился к лимузину, уверенный, что выносят обгоревшие тела. Он с трудом заставил себя приподнять край клеёнки, когда носилки проносили мимо. Но там оказалось лишь





искорёженное взрывом оборудование, а люди в халатах были всего лишь лаборантами. Василий облегчённо выдохнул.

— Кабинета химии больше нет, — скорбно заметила завуч, не разделяя его радости.

— Соболезную, Рогнеда Игоревна. — Рублёв-старший привычно достал бумажник. — Будем решать проблему.

— Это не проблема, — смягчилась Рогнеда Игоревна, с нежностью покосившись на бумажник. — Вы давно заглядывали в дневник сына?

Рублёв-старший удивился:

— А что не так? В прошлый раз вы уверили меня, что Григорий — круглый отличник.

Рогнеда Игоревна с видом фокусника выдернула из-под лохмотьев рукава потрёпанный дневник, украшенный граффити:

— Взгляните. Узнаете много нового.

Рублёв с недоумением взял дневник и перевёл взгляд на Гришу.

— Значит, вместо каникул займётся исправлением оценок.

Вот это сюрприз, ахнул про себя Гриша. Зачем же сразу переходить к карательным мерам?

— В этом ему поможет летний лагерь при школе, — сахарно пропела завуч. — Создадим все условия.

— Капец, — тихо прошептал Гриша, — только не это.

Завуч энергично хлопнула Рублёва-младшего по спине, пылая энтузиазмом:

— Не волнуйтесь, мы сделаем из него человека.

— Ага, щас, — уныло выдохнул Гриша.

Отец нахмурился.





— Новый кабинет химии — за мой счёт, — сказал он.

Попугай свистнул, басовито захохотал и повис на ветке вниз головой.

— За моральный ущерб... стресс... — сказал Рублёв-старший и, посмотрев на Эрнеста, добавил: — И за попугая. Отдельно.

— *Scientia est potentia*, что в переводе с латыни, Василий Глебович, «Учение — сила», — ободрённая денежной компенсацией, проворковала завуч.

— Но пасаран, Рогнеда Игоревна, — тоже решил блеснуть цитатой Василий Рублёв. — Что в переводе с latinoамериканского: будем биться до конца.



ГЛАВА 4. Деловой подход



Внутри лимузина скорость не ощущалась. Если бы не пронесившийся за окнами город, можно было бы подумать, что автомобиль стоит на месте. Гриша покосился на отца, внимательно читавшего его дневник. Особенный интерес у него вызвали надписи красными чернилами, которыми пестрели последние страницы.

— Ты же, — Рублёв поднял взгляд на сына, — просто Стенька Разин какой-то. Ничего не понимаю. Почему Рогнеда не позвонила мне раньше?





— Думала, сама справится, — вздохнул Гриша и устался в окно.

Мимо промелькнул указатель «Рублёвское шо\$\$е». Смешной фургон попытался объехать машину сопровождения, но не смог и отстал. Гриша, прищурив глаз, посмотрел на солнце, чуть припудренное лёгким облачком.

Рублёв-старший сосредоточенно перевернул страницу.

— Отключил звонок на перемену, — прочитал он вслух. — Григорий, что случилось?

— Па, так было нужно, — решил не вдаваться в подробности Гриша.

— А зачем ты запер старшеклассников в туалете?

Рублёв-младший довольно хмыкнул, вспомнив, какую истерику затеял Успенский, когда пропустил свою любимую физру.

— Устранял конкурента.

— Это не деловой подход, Гриша, — задумчиво пробормотал отец и перелистнул несколько страниц. — Так проблемы не решают.

— А как решают? — насторожился Рублёв-младший, всем своим видом показывая, что жаждет услышать бесприкрытый приём по устранению конкурентов.

Но лимузин уже подъехал к особняку Рублёвых. Отец захлопнул дневник:

— Идём в дом, там поговорим.

Машины сопровождения ручейком утекли в подземный гараж. А смешной фургончик, всё это время болтавшийся за кортежем, пофыркав у ворот,

